

МАСТЕР И УЧЕНИКИ

Сегодня Араму Ильичу Хачатуряну исполнилось бы 75 лет. Нам он оставил щедрое наследство — мир созданным им чудесной музыки и добрую память в сердцах людей: всякий, кто хоть сколько-нибудь соприкасался с ним, знает, сколь сердечен и мудр был этот человек. И лучше всего знают об этом его ученики.

По счастливой случайности об этом уз-

нала и я. Мне и режиссеру Юрию Альдохину киностудия Центрнаучфильм поручила написать сценарий об уроках композиции Арама Ильича Хачатуряна в стенах Московской консерватории. В записную книжку я заносила то важное, что хотелось запомнить, удержать в памяти от встреч с Арамом Ильичом.

На днях фильм о великом композиторе выйдет на экраны страны.

ОСЕНЬ 1977 года. В консерватории кто-то распространил весть, будто Арам Ильич нездоров, и его занятия отменяются, и все-таки студенты ждали его... И лишь только профессор, большой, седой, вошел в вестибюль, его сразу окружила почтительная толпа молодежи, чтобы проводить в аудиторию. Профессор знает, что мы с режиссером пришли к нему, и приглашает на урок.

— Хотите посмотреть, как проходят уроки композиции? Обычно у меня на уроке свободная дискуссия между педагогом и студентами. Как иначе? Творчество предполагает свободную дискуссию. Но сегодня у меня первый урок после летнего перерыва, не знаю, как пойдет... Да вам все равно будет интересно!

Вот и класс композиции. Самый обыкновенный небольшой зал, рояль посередине.

— Кто хочет показать свое сочинение? Прошу к роялю, — приглашает Арам Ильич...

Молодой человек из Эстонии сыграл цикл прелюдий. Музыка мелодична, красива, но как-то странно монотонна. Музыка была приятна, но казалось, что когда-то где-то она уже слышалась... Интересно, как оценит ее Арам Ильич?

А Арам Ильич не торопился с оценкой. Еще раз попросил сыграть пьесы, то порознь, то одну за другой... И вдруг я начинаю видеть, как между профессором и студентом возникает чувство общности и доверия. В классе нет судящего и судимого, но есть уважаемый Мастер и ученик-творец. Перед Мастером студент доверчиво раскрывается, впускает его в свою творческую лабораторию — в

свой внутренний мир, и не стесняется, что его музыка еще только формируется, замысел только угадывается...

А между тем Арам Ильич говорит: — В основе ваших прелюдий лежат народные эстонские страдания. Хорошо, что вы усвоили, полюбили народные мелодии, интонации. Но хочется, чтобы у вас появились свои краски... Я помню, когда я учился в консерватории, у нас с уст не сходило слово «свежесть». Слово «свежесть» означало высокую оценку. В ту пору учителя говорили про мои сочинения: «Нескладно сделано, но свежо!»

Будьте смелее! В искусстве надо быть смелым и искренним...

В ДРУГОЙ раз я была свидетелем встречи молодого пианиста из Еревана с А. И. Хачатуряном.

Он мечтал учиться у прославленного соотечественника, пришел показать свои сочинения.

Арам Ильич лукаво рассматривал взволнованного молодого человека и устроил маленький допрос с пристрастием.

— Значит вы пианист, учитесь в аспирантуре, — говорит Арам Ильич. — И хотите заниматься композицией?

— Да, — совсем тихо отвечает молодой человек.

— А чью музыку вы любите больше?

— Баха.

— А еще?

— Бетховена.

— А из более поздних? Кого больше? — Стравинского или Прокофьева?

— Прокофьева.

— Ну что ж, покажите свое сочинение, — разрешает Арам Ильич.

Сильные руки пианиста упали на клавиши. Зазвуча-

ла темпераментная музыка. Прослушав пьесу, Арам Ильич задумчиво сказал:

— Неплохо! Но приступая к композиции, надо помнить, в композиции количество рождает качество. Прекрасный педагог Глиер спрашивал у молодых сочинителей музыки: «Сколько пудов бумаги испортили?»

Арам Ильич полистал нотные записи молодого человека.

— Молодежь нынче увлекается синкопированной музыкой? — И вдруг с откровенным любопытством спросил: — А вы любите джаз?

Молодой человек растерялся, видимо, не решаясь сказать правду. Арам Ильич распорядился:

— Сыграйте мне самое джазовое место в вашей пьесе. Я любитель джаза... Вот и сыграйте самый джазовый кусок.

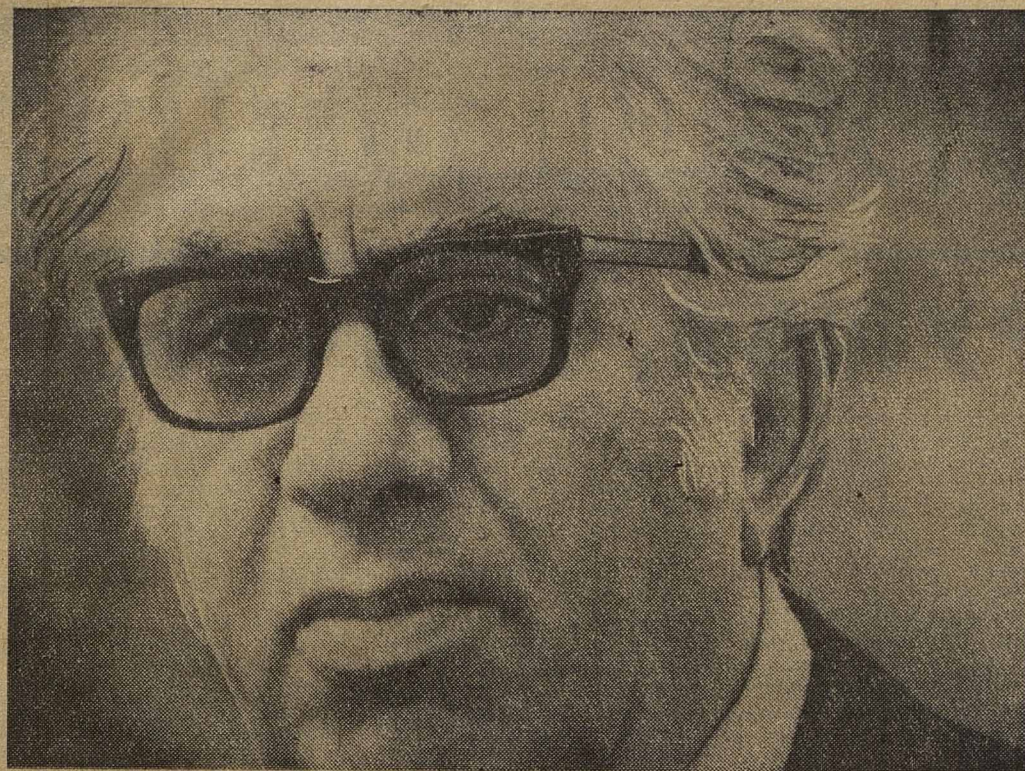
Пианист заиграл «самый джазовый кусок». Профессор послушал и удовлетворенно вздохнул:

— Ну не очень-то вы заражены джазом. Я беру вас в свой класс. Может быть, теперь вы напишете сюиту специально для джаза, а? У вас может получиться интересное сочинение... Запомните, в этом классе говорят откровенно о своих музыкальных пристрастиях.

И вот еще над чем подумайте. Вы — армянин. И в своем сочинении обязаны опираться на национальный характер армянской народной музыки. Этим вы, конечно, не обогатите народную музыку, но зато своеобразие приобретет сочинение молодого композитора.

Главное — писать хорошую музыку. Для этого надо учиться быть к себе критичным.

А РАМ Ильич умел быть откровенным. Но как ни странно, его самая жесто-

кая откровенность не была оскорбительной и обидной.

Один из студентов принес на урок сочинение, которое не принесло радости ни студенту, ни профессору.

Арам Ильич детально разобрал пьесу, а потом, глядя прямо в глаза собеседнику, очень спокойно спросил:

— Вам ваше сочинение нравится?

— Надо еще над ним работать, — уклончиво ответил студент.

— Я вижу, что оно вам не нравится, — сказал профессор. — А должно нравиться! Должно нравиться сочинение, пока его пишешь! Потом оно может разочароваться, потом опять понравится, но пока пишешь, быть равнодушным к своей работе нельзя!

Арам Ильич обернулся к классу и задумчиво, как он умел, сказал:

— Нельзя, друзья, писать музыку без души, равнодушно. Только искренний, чуткий художник найдет свой путь. У нас среди композиторов есть делатели музыки. Бойтесь ими стать. Писать настоящую музыку трудно, очень трудно... Что такое, по-вашему, композиторское мастерство? В первую очередь, увлеченный труд.

КОГДА мы узнали, что он лежит в больнице, была зима. Как-то он позвонил мне домой и предложил обсудить предстоящие киносъемки его уроков.

Вокруг больницы глубокие сугробы; приближался Новый год, который Арам Ильич собирался встретить дома.

В светлой комнате на столах вокруг постели лежали книги, много книг. Беспеременно звонил телефон, звонили друзья, студенты, знакомые. Мы обсудили рабочие моменты съемок, а потом Арам Ильич стал рассказывать о своих учениках: прежних, настоящих... Его знание их творчества, эмоциональное проникновение в него были поразительны.

— Среди моих студентов было много одаренных людей. Некоторые из них стали, другие станут заметным явлением в музыкальной жизни. Боюсь только, кое-кто из них слишком увлекается созданием заказной музыки для кино...

МЫ ЗАКАНЧИВАЛИ съемки, когда он был болен, очень болен. Но глаза его по-прежнему внимательно и властно смотрели в мир, он по-прежнему заинтересованно следил за

успехами своих учеников, для каждого находил слова поддержки, помогал советами. И никто из нас не мог предположить, как сильно он болен.

Арам Ильич в последние дни был особенно щедр на советы.

Один из последних студентов, с кем он работал, исполнил на уроке ораторию, посвященную 600-летию Куликовской битвы.

Арам Ильич взволнованно выслушал сочинение, сделал несколько замечаний практического характера и потом сказал:

— Одно из самых больших достоинств вашего сочинения то, что оно типично русское. Сколько времени мы вас слушали, и все было интересно. Звучит сочинение смело, современно. Пишете вы с большой фантазией, с большим композиторским темпераментом. И это делает ваше сочинение еще выше... Надо сделать все, чтобы это сочинение было закончено и получило признание. На этом я занятия кончаю...

И ушел... Совсем. Сегодня Араму Ильичу Хачатуряну исполнилось бы 75 лет...

В. КОНОВАЛОВА,
киносценарист.

г. Москва.